

Добрее

Автор:

Александр Бессонов

Добрее

Александр Бессонов

Одобрено Рунетом

Александр Бессонов – мастер короткой прозы из Новосибирска. Трогательные и полные светлого юмора рассказы полюбились многочисленным подписчикам его страниц «ВКонтакте» и на фейсбуке. Его второй сборник «Добрее» глубоко западает в душу своей искренностью.

Как знание эльфийского помогает в борьбе с организованной преступностью? Почему изменяют роботы? Способна ли одна картина изменить жизни двух абсолютно разных людей? Поможет ли киберспорт выбраться из тюрьмы? И как мужская солидарность помогает разгадывать кроссворды?

Александр Бессонов

Добрее

© Александр Бессонов, текст, 2019

© Дмитрий Пьянков, иллюстрации, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Так надо

Эта история случилась с моим школьным приятелем Алексеем. Она произошла, когда ещё порядка не было на ж.-д. вокзалах и в аэропортах. Алексей спокойно ждал пересадку в зале ожидания. Ожидать было недолго – 18 часов. Он развлекал себя как мог: собирался второй раз перечитывать шедевр литературной мысли из серии «Я вор в законе» и вдруг увидел, как цыгане разводят такого же мужичка-путешественника.

Алексей подошёл поближе к этой компании и услышал обрывки фраз: «...на тебе смертельная порча», «Нужно срочно снимать», «Все умрут», «Нужны деньги или золото». Было видно, что бедный мужик под гипнозом, самая говорливая цыганка водила ему по лицу пером и что-то бубнила. Остальные 5–6 создавали фон. Мужик полез за кошельком. Алексей представил себя без денег в другом городе и ринулся защищать невменяемого.

– Товарищи цыгане, гражданин со мной, нам пора идти, – он взял несчастного мужичка под гипнозом за локоть и повёл в сторону. Тут же он ощутил, что его тащат за шкуру. Он обернулся, позади него стоял большой цыганский детина с золотыми зубами. Он прошипел сквозь зубы:

– Иди, куда шёл. Пааарежу!

Быть зарезанным в другом городе Алексею не хотелось, и он отошёл. Тем временем мужчина отдавал цыганам золотое обручальное кольцо и часы. В Алексее закипело чувство справедливости. Он нащупал в кармане куртки мел, который остался у него после рисования на асфальте с племянницей. Решительно подошёл к толпе. Сел в ноги у мужика. Как в гоголевском «Вии», очертил круг, внутри которого оказался сам и мужик. Поднял руки вверх и как сумасшедший начал орать:

– Анон эдхелен эдро хи амэн! Фенос ногосрим, ласто бех ламен!

Дело в том, что Алексей очень любил «Властелина Колец» Толкиена. Это заклинание Гендальфа он зачем-то выучил наизусть. Оно означало: «Эльфийские ворота, откройтесь для нас сейчас; дверь народа гномов, внимли моему слову!» Алексей кланялся и выкрикивал заклинание снова и снова. Его слову внимали не только гномы, но и цыгане. Нервничая, они начали креститься и уходить по одному. Алексей увидел того самого цыганского детину с золотыми зубами. Он зло смотрел на Алексея и что-то сурово бормотал. Алексей вспомнил свою любимую сцену – сражение Гендальфа с Балрогом, демоническим существом, и, глядя в лицо врагу, проорал на весь вокзал:

– Я слугитель тайного огня, хранитель пламени Анора! Темный огонь тебе не поможет, пламя Удуна! Возвращайся во тьму, ты не пройдёшь!

Лицо цыгана побелело. Он упал на колени. Потом стал доставать из карманов золотые украшения и складывать в круг из мела. Алексей не мог остановиться и в исступлении орал:

– Возвращайся во тьму, ты не пройдёшь!

Бедный цыган запричитал:

– У меня больше ничего нет! Есть зубы, но мне нужно какое-то время.

Алексей не останавливался:

– Я слугитель тайного огня!

Цыган плакал:

– У меня семья. Мне страшно! Милиция, помогите! Убивают! – Потом быстро поднялся и убежал.

В конце концов у входа в вокзал остались двое. Алексей встал, отряхнул штаны и сказал мужику:

– Вот забирай, тут твоё. Ну будь здоров, больше не впутывайся!

Мужик глядел на него ошалелыми глазами.

– Сколько я вам должен за обряд снятия порчи?

* * *

Когда мои дети спрашивают меня: «Па-а-ап, ну вот зачем читать? Скучно! Можно телик с ютубом посмотреть», я всегда вспоминаю Алексея и того цыгана с золотыми зубами, улыбаюсь и отвечаю словами Фелиции Жанлис:

– Те, кто читают книги, всегда будут управлять теми, кто смотрит телевизор.

Донат

– Пап, у меня к тебе важный разговор.

– Давай потом, я на сериал залип. Очень интересно, прямо не оторваться, и капец как страшно. Посмотри со мной, а?

Отец семейства одной рукой вцепился в пульт от телевизора, а второй натягивал одеяло до самых глаз.

– Ты лежишь весь скрюченный и почти не дышишь, – заметила его десятилетняя дочь. – Наверное, не очень-то и хочешь это смотреть.

– Ещё как хочу! – сказал папа и украдкой перекрестился. Сериал был мистический.

– Я знаю, ты будешь против. Но всё-таки задонатить мне в компьютерной игре сто рублей.

Когда дочери что-то было нужно, она говорила таким нежным голоском, что впечатлительные натуры легко могли прослезиться.

– Конечно, против. Игру купить готов, а задонатить – нет.

– Ты донатишь себе на пиво, когда смотришь сериал, – сказала она уже решительнее.

– Во-первых, не доначу, а просто пью. Во-вторых, сериал страшный.

– Ну папочка...

Отец вздохнул.

– Ты как разумный человек должна понимать, что разработчики игр специально делают развитие персонажа зависимым от денег.

– Но я хочу поменять скин. Надоело быть серой массой, – заныла дочка. – В яркой юбке, куртке и сапожках я буду выделяться. Ты сам говорил, что это хорошо.

– Я говорил про реальную одежду. Пожалуйста, я только за, давай завтра сходим в магазин и купим тебе новые красивые вещи.

– В реале мне хватает. В игре надо прокачаться!

– Зачем тебе?

– Чтобы понравиться Jimmy154, – чуть смущённо сказала она.

– Кто такой этот Джимми? – насторожился отец, оторвав глаза от экранного монстра.

– Мальчик из Ирана. Давай так: ты бросишь с карты своей, а я верну наличкой сотню. От тебя требуется только банковское обслуживание. Я даже могу заплатить комиссию. Рублей десять.

– Откуда у тебя деньги?

– Сэкономила на обедах.

Папа задумался и, помолчав минуту, нажал «выкл.» на пульте.

– Знаешь, а пойдём-ка погуляем, погода хорошая. И если мне не изменяет память, сейчас весна.

Кукольный домик

Шёл невыносимо сильный ливень. По улице быстро шагали мужчина и женщина. У них не было зонта. Они скрючились, скукожились, как будто плохая осанка могла защитить от воды и порывов ветра. На первый взгляд эти двое казались парой, но внимательный наблюдатель заметил бы, как они резко отстраняются друг от друга, едва соприкасаясь плечами.

Увидев небольшое здание с вывеской «Кукольный домик», мужчина и женщина, не сговариваясь, вошли.

Напротив входа находилась маленькая сцена, рядом – что-то вроде барной стойки. Было тихо и спокойно, приятно пахло свежей древесиной, дождём, мокрым клевером. Три стены из четырёх были заняты полками, на которых сидели куклы: совсем старые и новенькие, круглощёкие пупсы и марионетки, в пышных платьицах, фраках и потешных разноцветных костюмчиках, целлулоидные и деревянные, весёлые и грустные, отечественного производства и заморские.

– Хотите чаю? – неожиданно спросили из-за стойки.

– Да, с удовольствием, – ответил мужчина и подошёл ближе. На них пристально смотрел невысокий старичок с седой бородой.

– Чёрный, зелёный, с лимоном, на травах?

– Даже не знаю.

– Ну ёлки-палки, какой нерешительный.

– Давайте травяной.

– А вам? – старичок перевёл взгляд на промокшую женщину.

– Любой, без разницы.

– Тоже нерешительная. Как же вы живёте вместе, такие нерешительные.

– А мы и не живём больше. Давайте зелёный, – ответила женщина, всё ещё немного дрожа от холода. – Неплохая у вас коллекция. Любите кукол?

– Люблю и всю жизнь их собираю. А до этого мой отец собирал и его отец. Традиция.

– Сколько с нас? – спросил мужчина.

– 300 000 рублей.

– За две чашки чая?

– Если посчитать по отдельности, то 150 тысяч рублей с вас и столько же с дамы, – сказал старичок. По его лицу нельзя было понять, шутит он, издевается или немного повредился умом.

– Я серьёзно, – сказал мужчина и посмотрел строже.

– А почему вы всё измеряете в деньгах? Можем, кстати, посчитать, сколько я вам задолжал за разговор. – Старичок налил две чашки чаю.

– Я вас не понимаю.

– Этот человек думает, что не всё в жизни требует подсчёта, – пояснила женщина, подошла к стойке и осторожно взяла чашку. – Ух, горячая.

– Пара нерешительных вспоминает былое, – хитро щурясь, сказал старичок. – Ну раз на улице ливень, а народу больше нет, располагайтесь в моём театре поудобнее. Только сегодня и только для вас – мой лучший спектакль.

– А вы тут один? – спросила женщина.

– Конечно, нет. Нас 112. Вместе с вами получается 114.

– Своих кукол считает, – сказал мужчина, обращаясь к спутнице. – Спасибо, мы сейчас допьём чай и покинем вас.

– Я хочу остаться, – возразила женщина.

– Да хоть поселись тут, – ответил мужчина, начиная нервничать.

– Что, торопишься к жене под крылышко?

– Замолчи.

– Она уже начала волноваться. А милые детки, наверное, потеряли папку и сейчас плачут.

– Ты закроешь рот или нет?

– А то что?

– А то я за себя не отвечаю.

– За кого ты вообще отвечаешь? Может, за меня? Так я всё время одна. Занимаю в твоей жизни двадцать пятое место в последнем ряду. На сцене показывают спектакль про счастливую семью, а я как зритель в зале комментирую невпопад, кричу, ругаюсь. Тебе не хватает мужества вывести меня из своего погорелого театра, потому что ты трусишка, двуличный бесхребетный хомяк.

Она бросила чашку в его лицо. Он размахнулся и хотел её ударить, но что-то помешало. От руки мужчины вверх тянулась тонкая, едва заметная леска. Он

поднял глаза. Под потолком, паря в пустоте, подобно чеширскому коту, болтался старичок. Правда, теперь он будто подрос и продолжал увеличиваться, занимая всё больше места.

Левая рука старичка цепко держала пучок лесок, привязанных к ногам и рукам его гостей. Одно лёгкое движение – и они послушно дёргались, качали головами и подпрыгивали.

– Смотри-ка, драку затеяли, нерешительные, – сказал старичок и захихикал.

2050

– То есть вы хотите сказать, это единственно правильное решение?

– К сожалению, да. За столько лет мы не смогли найти лекарство против ВИЧ. Сейчас практически любой половой контакт между мужчиной и женщиной приводит к заражению. На дворе 2050 год, а болезнь перешагнула эпидемический порог еще лет двадцать назад.

– Но мы же остановим деторождаемость! Через сто лет человечество вымрет.

– А кто будет воспитывать этих детей? Вирус настолько мутировал, что срок жизни после заражения максимум три месяца. А за сто лет мы придумаем лекарство.

– Господа, будем голосовать, но помните – это наш единственный шанс, чтобы спасти человечество.

* * *

– Сергей, что тебе приготовить сегодня на ужин?

– Ну ты же знаешь, что я ненавижу этот вопрос. Давай плов.

– В том-то и дело, что я слишком хорошо тебя знаю. Если не спросить, то вечером ты устроишь скандал. Плов так плов...

– Вот вроде ты – железяка. Но мудрая женщина.

– За мудрую – спасибо, за железяку – обидно.

– Ну извини, извини, не могу привыкнуть к тебе. Как жену забрали семь лет назад...

– Ты же знаешь, что это было единственно правильным решением тогда...

– Это страшное решение. За все годы в браке я ни разу даже не подумал пойти налево.

– Ты – да, а супруга?

– Ты хочешь сказать – она мне изменяла?

– Я ничего не хочу сказать, но есть факты. Статистика. Человечество вымирало от инфекции, которая передавалась...

– Ты вообще ставишь под сомнение весь институт брака.

– Его уже давно нет. Не заводись, Сергей, у тебя пульс участился. – Робот, очень похожий на женщину, взял его за руку.

– А роботы что, не могут изменить?

– Зачем нам это?

– Ну так-то да, ладно, я на работу.

– Хорошо, милый, вечером тебя будет ждать плов.

* * *

Стук в дверь.

– Здравствуйте, я ваш сосед сверху. Сергей уже ушёл на работу?

– Да. Здравствуйте, Владимир.

– Отлично, а я к вам. За солью. У меня ещё вопрос есть.

– Слушаю вас.

– Вы же новая модель RX-3518, как у вас с сексуальной функцией дела обстоят?

– Купите и посмотрите.

– Хм... я ещё кредит за свою дорогую RZ-5432 не выплатил. Давайте так. Я вам – новое зарядное устройство. Очень мощное, а вы – мне тест-драйв минут на двадцать...

– Хм... интересно...

Виктор Михайлович

Давайте познакомимся, меня зовут Виктор Михайлович. Мне 72 года. Так получилось, что давно живу один, детей нет. Но не будем об этом. Лучше расскажу про свои успехи.

Моя пенсия – 12 500 рублей. За квартиру я плачу около 4000, следовательно, на жизнь остаётся 8500. Жаловаться не собираюсь: уныние, я считаю, очень вредно для здоровья. 8500 – это 283 рубля в день, целое состояние!

Ничего, если я немного похвастаюсь? На моей кухне царит идеальная чистота. Знакомые советуют запатентовать способ и получить Нобелевскую премию, но я

не понимаю, за что. С детства ненавижу мыть посуду, а недавно выяснилось, что это занятие не только неприятное, но ещё и затратное: вода, губки, чистящее средство – всё стоит денег. Решение пришло само: перед обедом надеваю на тарелку полиэтиленовый пакет. После еды легким движением руки снимаю его, и посуда снова сияет. Моё любимое блюдо – луковое рагу, в сезон очень дёшево. Вроде бы вегетарианцы живут дольше. Проверим.

Вот с книгами сложнее. До выхода на пенсию я работал научным сотрудником в Институте органической химии. Профессиональную литературу до сих пор люблю, но от старенького монитора глазам больно, а чтобы на бумаге – интересно, качественно и недорого – это фантастика. Кстати, о фантастике. Окрестные библиотеки я освоил, и новых поступлений, интересных мне, там давно нет. Но мир не без добрых людей: приноровился читать в книжных магазинах. В некоторых даже диваны стоят, да и продавцы лояльны к нерешительным покупателям, которые часами выбирают и выбрать не могут.

С одеждой есть некоторые проблемы. С другой стороны, перед кем мне щеголять. В шкафу висит прекрасный костюм, ещё с прошлого века, а штопать и ставить заплатки я научился виртуозно. Рубашки изнашиваются быстрее, зато секонд-хэнд выручит всегда. Недавно «вторая рука» порадовала рубахой в клеточку. Возможно, её носил настоящий ковбой.

Летний отдых? Уже не хочется, да и не потяну. Разглядываю старые фотокарточки. Когда работал, начальство часто баловало путёвками в санаторий: Белокуриха, Крым, Иссык-Куль – всё объездил.

А вообще нехорошо думать только о себе, эгоистично. По телевизору говорят, что мы развиваемся и идём вперед семимильными шагами. Надо только подождать немного, следующему поколению будет лучше. Раньше тоже обещали, но рано или поздно должно сбыться, правда ведь?

Кухня

Закончился ещё один день без него. Это было не хорошо и не плохо, просто факт. Всё шло своим чередом: в зале тихо играл джаз, на кухне варилась солянка, источая соблазнительный запах, официантки порхали между столиков,

улыбаясь посетителям. Маше тоже полагалось улыбаться, но сегодня не получалось. Вроде бы обычная ссора, но любимый уже неделю пропускал свои смены.

* * *

Их роман закрутился неожиданно. Маша не обращала внимания на паренька, работающего с холодными закусками, пока он сам не подошёл познакомиться. С тех пор, заходя на кухню за порцией салата, она получала порцию шуток.

– Салат «Цезарь» на пятый стол готов?

– Тут такое дело... Цезарь мёртв.

– Опять листья не завезли?

– Хуже. Юлия Цезаря коварно убили ещё до нашей эры.

– Руководство в курсе?

– Нет. Только ты и читатели Википедии.

На самом интересном месте в беседу обычно вмешивался шеф-повар, командующий: «Голубки, за работу».

Ноги сами несли её на кухню. Иногда шутки были нелепыми, но разве это важно?

– «Греческий» на восьмой, пожалуйста!

– Пароль?

– Птицы в гнезде!

– Пароль неверный.

- Молоко перепёлки выпили перепелята!
- Пароль неверный.
- Сейчас оба на харчо отправитесь! – кричал шеф-повар.
- Вы вошли в систему. Вот «Греческий».

Потом он проводил её домой после смены.

- Маша, я личного водителя отпустил пораньше.

Он тоже человек, пусть отдохнёт. Прогуляемся пешком?

- Ты самый благородный повар холодных закусок на свете. А какой у личного водителя транспорт, велосипед?
- Угадала. Люблю с шиком прокатиться на багажнике по вечернему городу.
- Хорошо, что не на раме. Всё-таки велосипед престижный, марки «Урал».
- Заметь: без пробега по Японии.

Кажется, они несли полный бред, но было так весело и легко, что перехватывало дыхание. Когда подошли к дому, он спросил с притворной застенчивостью:

- Зайти не хочешь?
- Это моя реплика! – запротестовала Маша. – Конечно, я хочу зайти к себе домой.
- Не боишься лифтёра-маньяка?
- Очень боюсь, а кто это?

– О, это страшный человек. Он останавливает лифт с красивой девушкой внутри и спускается к ней в кабину сверху, через плафон.

– И что делает потом?

– Чинит лифт!

Они смеялись в голос, и ночь смеялась вместе с ними.

А потом он её поцеловал.

– Ладно, я пойду, – сказал он шёпотом.

– Ладно, ты иди, – ответила она. – И спасибо.

– За что?

– Мне давно не было так весело без всякой причины.

* * *

Они встречались раз в неделю, чтобы выпить кофе и поболтать, совсем как в сериалах. Три лучшие подруги, вместе со школы.

– И вдруг он меня пригласил в хороший ресторан! Я уже и ждать устала. Договорились, что встретимся у входа. Пришла красивая, в новых туфлях, смотрю – подкатывает холёный такой мэн на машине с водителем.

– А что за машина? – спросила Оля.

– Ты же в курсе, я в них плохо разбираюсь. «Лек – сус 570», 2018 года, японская сборка.

– Какая ты, Дашка, счастливая!

– Погоди с выводами. Он из машины вылез, несёт мне цветы. Здравствуйте, очень приятно, погода хорошая, идёте за столик, можно я водителя с машиной отпущу, а то вы ослепительно красивы, а на вино в этом ресторане не скупятся. Я от такого напора растерялась. Да, говорю, конечно.

– А сам-то он как, симпатичный? – спросила Маша.

– Разве это важно? Не помню. Мужчина как мужчина. Поужинали, выпили. После десерта он вдруг засуетился. Все карманы обшарил, забормотал, что кошелёк остался в офисе. Там и кредитки, и ключи от пентхауса. Быстро выдвинул альтернативное предложение: за ужин плачу я, и едем тоже ко мне. А завтра типа он деньги вернёт и ещё чем-нибудь хорошим компенсирует хлопоты. Например, колечком. Или серёжками. Я сказала, что в дамскую комнату на минутку, а сама бочком-бочком – и на всех парах из ресторана. Ноги стёрла, пока бежала, туфли-то новые, чтоб их.

– Машина у него хорошая. Может, правда кошелёк потерял?

– Я навела справки у троих таксистов из «Убера». Короче, в последнее время модно стало заказывать шикарные машины с водителем. Причём клиенты – мужчины, и едут они от метро до ресторана. Соображаете? Самое смешное, что водителей эти дятлы просят задержаться на минутку, чтобы барышня как следует всё рассмотрела.

– Вот козлы!

– А вдруг он был хорошим человеком? – внезапно сказала Маша.

– Ну началось, у тебя вечно все хорошие. Что это слово вообще означает?

– Что тебе с человеком хорошо.

– Ага, особенно если он резчик салатов. Машуля, ты самая красивая девочка в нашей компании, а встречаешься с нищевродом.

– Неправда, он нормально зарабатывает.

– Какая у него машина?

– Нет машины. Только велосипед складной.

Маше почему-то стало стыдно и за него, и за велосипед «Урал».

– Какая у него цель, чего хочет добиться в жизни? – не унимались подруги.

– Он считает, что человеку лучше развиваться по горизонтали, а не по вертикали.

– Это как?

– Пробовать много разного. Ну вот он подрабатывает репетитором по математике, тренером по скалолазанию, поёт в хоре, у нас поваром, раньше был прорабом. Не хочет строить карьеру в одном месте.

Даша покачала головой:

– Таких в народе называют просто: сказочный...

– Хватит, – резко сказала Маша. – Ты мыслишь шаблонами.

– Как он семью будет содержать, ты подумала? На отпуск салатами заработает? А детей в школу повезёт на велосипеде, да?

Маша попросила счёт и ушла.

* * *

Главный вывод, который Маша сделала после встречи с подругами, – надо зарабатывать больше. Она принялась напропалую кокетничать с посетителями ресторана, и щедрые чаевые полились рекой. Нашлись и постоянные клиенты, которые приходили теперь не просто поесть, а пообщаться с красивой официанткой, оставить среди купюр бумажку с номером телефона.

Он оказался свидетелем очередных переговоров.

– Маша, что это было? Ты едва не целовалась с каким-то зализанным ушлёпком.

– В нашей паре хотя бы один должен нормально зарабатывать, – попробовала связвить она.

– Шутишь?

– Нисколько. Слушай, я вчера поговорила с отцом. Он готов взять тебя в офис. Карьерный рост...

– погоди. Ты говорила, отец давным-давно бросил тебя и маму. Вы не общались.

– Заобщались. Случайно на улице встретила. Давай не будем упускать этот шанс, а? Начнёшь зарабатывать нормально плюс мои чаевые – и на майских поедem в Прагу. Несколько дней поживём как люди.

Он сжал кулаки.

– А сейчас мы живём как кто?

– Как очень бедные студенты. Ты снимаешь комнату и говоришь, что твой дом – это место, где есть зарядка для телефона и книжная полка.

– Ясно, пластмассовый мир победил. Надо «плазму» пошире, машину покруче, квартиру побольше. Я думал, нам просто хорошо вместе.

Он снял фартук и вышел на улицу. Маша пожала плечами, подождала немного и вернулась в зал. Клиенты ждут.

* * *

Прошла неделя, от него не было ни слуху ни духу. Машу качало от злого веселья (ушёл – ну и пожалуйста) к отчаянию и обратно. Она успела обругать себя, подруг, пластмассовый мир. С ним было хорошо, что может быть важнее. В

конце концов сама заработает все деньги на свете, лишь бы смеяться вместе, субботним утром есть в постели конфеты и смотреть документальное кино о размножении носорогов. Но он пропал, и телефон отвечал унылыми длинными гудками.

Выходя утром из подъезда, она заметила краем глаза большую машину. Не успела обойти, как задняя дверь открылась, и родной голос сказал:

– Залезай, чешка, доедем до твоей Праги.

От неожиданности она выпалила:

– Я к незнакомым мужчинам в машину не сажусь.

– А я знакомый, и даже не самый бедный. Не хочешь в Прагу – ладно, довезу хотя бы до работы. Это ресторан моих родителей. Точнее, сеть ресторанов.

– Не сяду! И парня своего позову.

Он присвистнул:

– Ух ты, целого парня!

– Он у меня репетитор, скалолаз и резчик салатов. Покромсает кого хочешь в два счёта.

– Станный какой.

– Самый лучший, – Маша помолчала. – Прости меня, пожалуйста.

Бахилы

Вот, представьте, живет себе человек, у него семья, дети. Выходной день. Нужно сходить в магазин, затариться продуктами. Машину не стал брать,

захотел прогуляться. Накупил много чего. Счастливый, идёт с двумя огромными пакетами в разных руках, и вдруг как чихнет. И тут боль такая, что аж звезды днем увидел. Межпозвоночная грыжа. Человек еле-еле дополз до квартиры. Забыл уже, что есть очень хотел. Спину дергает, любое движение заканчивается электрическим разрядом в 220 вольт. Накормил семью, добытчик.

Делать нечего, надо идти в больницу. Выходной опять же, напомним. Частный медицинский центр, все дела, по телефону – приветливый женский голос администратора и обещание ждать тебя на ресепшн. В голову лезут всякие подростковые фантазии про медсестер и короткие белые халаты. Приезжает такси. Ты пытаешься сесть в это грёбаное такси (почему-то именно оно, проклятое, виновато в грыже), и ни фига у тебя не выходит. Психуешь, отправляешь такси восвояси, а сам тихонько шлепаешь до больницы маленькими шажочками. Зато воздухом подышишь, утешаешь себя.

Через каких-то пару часов наслаждений пением птичек и походкой человека с проблемами мозжечка ты наконец-то доползаешь до больницы, где тебе непременно помогут. Ты аккуратно, на четвереньках, ползёшь по ступенькам лестницы, кое-как распрямляешься возле входа, подходишь к администратору, а тебе в лицо: «Труд людей ценить надо, на входе бахилы наденьте». Ты ковыляешь обратно, по пути матеря и проклиная «труд людей». Более того, в голове зреет план выносить мусор из дома именно сюда. Прямо на пол медицинского центра.

Возле двери стоит тумбочка с бахилами. И, как назло, синие пакетики на резинке спрятались в самом нижнем ящике. Пытаешься взять бахилы, а в спину тебе будто бы стреляют в упор из дробовика. И наступает момент истины: ты понимаешь, что пришёл вылечиться в больницу. Но больница лечит только тех, кто в бахилах и, соответственно, шансов у тебя немного. Или можно забыть про проблему и жить с больной спиной. Найти в интернете изобретателя бахил и потихоньку всем его родственникам планомерно ломать спины и отправлять пешком в больницы. Или бороться до конца. Опять шлёпаешь к администратору и говоришь, что не можешь надеть бахилы. Администратор смотрит на тебя так, словно ты не можешь надеть презерватив в самый нужный момент. И говорит: «У нас без бахил нельзя».

Начинаешь уже злиться и говорить, чтобы пропустили. «Меня вылечат, а я вам потом надену эти бахилы, не только по четыре на каждую ногу, но и по две на руку и на голову. С процентами». Ответ: «Не положено!» Просишь помочь тебе,

на что получаешь ответ: «Я занята». И наблюдаешь, как администратор смотрит в окно. В окне хлопьями валит снег, скоро Новый год, в котором, несомненно, люди станут капельку добрее.

Прослушка, Катя!

– Катя, где новый материал?

– Владимир Иванович, посмотрите на сервере.

– Сколько раз тебе повторять: мы полицейские! Отдел экономической безопасности, элита. Нужно с уважением относиться к своей профессии.

– Так я с уважением...

– Кто назвал папку с прослушкой «Хоп, мусорок, не шей мне срок»?

– Из песни слов не выкинешь. Владимир Иванович, ну я устала круглосуточно слушать бормотание этого зануды! Не клиент, а наказание, – жаловалась Катя, щёлкая мышкой. – Вчера звонил любовнице из ванной и два часа рассказывал о полном цикле производства чугуна.

– Тебе-то что за печаль?

– Переживаю за его жену. Наверняка грязной спать легла.

– Радуйся, взяли мы зануду на месте преступления, спасибо твоей инфе от прошлого вторника. Сжигал, мерзавец, бухгалтерские документы, которые весь отдел полгода ищет. Теперь присядет на восемь лет, не меньше. Ты молодец, Катюша.

– Значит, не зря я голову забивала чугуном. Служу России и бурому герцогу!

– Какому ещё бурому герцогу?

– Медведеву!

Владимир Иванович хмыкнул в усы.

– Ну хватит. Вот новое дело. В папке номер телефона и решение суда о прослушке. Клиента зовут Сергей Полысаев. Подозревается в обнале, а доказухи нет.

– Только это от меня и нужно, а как жениха хорошего сосватать, вы сразу в кусты.

– Я чем не кандидат?

– Владимир Иванович, вам шестьдесят два года, поздновато для первого брака. Это во-первых. Во-вторых, вы мой дядя.

– Я хотя бы попытался. Ладно, иди занимайся Полысаевым.

– Жизнь и невероятные приключения Полысаева, том первый, – пробормотала Катя и скрылась за дверью.

* * *

Она работала в отделе одиннадцать лет. Каждое утро Катя приходила в маленький кабинетик, надевала наушники и погружалась в жизнь других людей. Поначалу было не по себе: всё-таки чужое грязное бельё, скандалы, примирения, интимные подробности. Но потом прослушка помогла предотвратить заказное убийство – и вопрос морали был закрыт навсегда.

Катя не пользовалась популярностью у парней ни в старших классах школы, ни в институте, теперь и подавно. Дома ждали только кот по имени Фрэдди и книжные полки. Часть родительских запасов: журналы «Юность» и «Новый мир», полное собрание сочинений Дюма, антологию советских поэтов она унесла в районную библиотеку, а освободившееся место на полках заняли любовные романы. Любая другая девушка на её месте давно бы затосковала, но Кате ярких эмоций хватало на работе. Мысленно она участвовала в разговорах своих

подопечных, комментировала, негодовала, одобряла,ставляла оценки, как в фигурном катании – за технику и артистизм.

– Как сам? На работе?

– С двенадцати пашу как вол, ни минуты свободной.

– Вся страна работает с девяти, а вол только к полудню глаза продрал, – хихикала Катя. – В офисе он, ага. Наверное, стоит сейчас в трусишках на кухне, чешется и лезет пальцами в банку со шпротами.

* * *

Шёл второй месяц прослушки Польшаева. Таких фруктов Катя ещё не встречала.

– Привет, дорогой мой человек.

– Как-то по-пидорски ты меня приветствуешь, Польшаев. Когда увидимся?

– Странное дело, Виктор Михайлович: гомосексуализм вы осуждаете, более того, подозреваете в нетрадиционной ориентации меня, но встретиться всё-таки хотите. Я бы сказал, горите желанием.

– Польшаев, не долби мне...

– Ну вот ещё один привет от дядюшки Зигги.

– Иди в ж... Чёрт тебя возьми, Польшаев, во сколько?

Впервые Кате не хотелось комментировать. Она слушала злодея с упоением и всё чаще улыбалась. Голос у него был приятный, а шутки – грубые, на грани фолла, однако очень смешные.

– Господин Польшаев, вас мне порекомендовал Сергей Матвеевич. Вам удобно сейчас разговаривать?

– Видите ли, дорогой друг, в данный момент я мою пол в офисе.

– Так вы уборщик? Позовите Польшаева.

– Нет, что вы. В наш век генеральных директоров и собственников бизнеса никто не хочет быть уборщиком. Если только клининг-менеджером, и то ненадолго. Зря, между прочим. Неплохая разгрузка для мозга.

– Я вас не понимаю.

– Вот вы точно давно не разгружались. Ладно, я к вашим услугам.

* * *

Через полгода работы Катя знала о Польшаеве почти всё. Он окончил экономический факультет университета с красным дипломом, но аспирантуру бросил. Работал в банке. Рано женился, стал отцом. Когда банк внезапно лопнул, жена ушла к другому и счастливая пара упорхнула в Таиланд строить бизнес-империю по производству кваса. Пятилетний мальчик остался с Польшаевым. С работой было туго. Чтобы как-то прокормить себя и сына, он занялся тем, что знал и умел: оптимизацией налоговых платежей, консалтингом. Если совсем просто, Польшаев был обнальщиком. Брал самый низкий в городе процент, не наглел, поэтому работы хватало. Денег на сына, наверное, тоже.

– Пап, привет! Ты где?

– Привет, мой милый. Я в другом городе, это по работе.

– Ясно. Как-то скучно одному. Няня сериал смотрит.

– Чтобы быть счастливым, тебе никто не нужен, кроме тебя самого, помнишь? Расскажи, как прошёл день. Назови три хороших события и одно плохое.

– Утром мы с тобой почитали книжку про Гулливера. Потом облились холодной водой на улице. Ещё ты сварил рисовую кашу с ванилью, очень вкусную. А плохое – садик. Большое печальное пятно.

– Ясно. Давай составим план на завтра.

– Пап, когда ты перестанешь работать?

– Скоро, сынок. Нужно скопить некоторую сумму. Положим её в банк и будем жить на проценты. Нам с тобой много не надо, правда?

– Правда. Давай копи быстрее!

– Даю!

От таких разговоров у Кати предательски щипало в носу. Она понимала, что через пару недель Полысаева посадят. Материала накопилось на вполне приличный срок – в основном благодаря ей.

На планёрке Катя прятала глаза и говорила:

– Владимир Иванович, мне бы ещё пару месяцев.

– Милая моя, прокуратура давит. Пора брать!

– Там не везде состав преступления, и сын у Полысаева малолетний.

– У тебя что, подобие стокгольмского синдрома? Жалко стало преступника?

– Нет!

– Смотри у меня. После обеда всю доказуху на стол. Завтра будем брать.

– А если...

– Это приказ.

* * *

Катя копировала аудиофайлы на флешку для начальства, когда раздались гудки: Полысаеву кто-то звонил. Она надела наушники и включила запись.

– Господин Полысаев, вас беспокоят из треста номер 43. Мы отправили сегодня большой транш. У вас всё хорошо?

– Конечно, завтра выдача.

– Это радует. Мои коллеги просили напомнить, что если что-то пойдёт не так, ваш сын...

– При чём тут он?

– В том-то и дело, что мальчик абсолютно ни при чём, господин Полысаев. Всего доброго.

Катя похолодела. Эту организацию она знала, но лучше бы, конечно, не знать. Такие люди пойдут до конца. Завтра Полысаева ждёт персональный ад. Счета заблокируют, имущество конфискуют, его посадят, а сына...

* * *

– Катя, прослушка!

– Владимир Иванович, у нас ЧП. Похоже, тут вирус.

* * *

По улице шли двое: высокий долговязый мужчина и мальчик лет пяти.

– Пап, а кто сильнее: кит или слон?

– Смотря где, на море или на суше.

– На море!

– Тогда слон, если наденет акваланг.

Мальчик смеялся.

На скамейке у автобусной остановки сидела девушка лет тридцати в наушниках. Когда мальчик и мужчина проходили мимо, она встала и неловко улыбнулась им. Потом сунула наушники в карман, задержалась рядом, будто хотела что-то сказать, но передумала и побежала за отходящим автобусом.

– Пап, а кто это?

– Не знаю, но мне кажется, просто очень хороший человек.

Побег из Шоушенка

(Русская версия)

В камере на шесть человек все всё друг про друга знают: кто, за что, почему. Никто не задаёт лишних вопросов. Время идёт, вернее, срок.

После вечернего отбоя дверца в двери открылась и громкий голос начальника охраны Смирнова задал странный вопрос:

– Кто знает, что такое CS, и умеет в неё играть?

Ему тут же ответили:

– Начальник, хватит выражаться. У нас отбой, дай поспать.

– Ещё раз ставлю вопрос: кто знает, что такое CS?

Из угла камеры тихий голос сказал:

– Counter-Strike. Компьютерная игра. Немного умею.

– На выход, быстро! – скомандовал Смирнов.

С кровати поднялся восемнадцатилетний парень, мгновенно оделся и пошёл к выходу.

В дверях, при хорошем освещении Смирнов заметил, что у молодого человека свежие ссадины на лице.

– Как звать?

– Рыков.

– За что тебя так?

– Упал на прогулке. Претензий ни к кому не имею.

– Ясно. Пошли.

В кабинете Смирнова стоял стол. На столе ноут. На ноуте – заставка игры.

– Ну смотри, Рыков, хочу, чтобы ты научил меня играть в эту хрень. Скачать – скачал, а что делать – не знаю...

Рыков тут же сел за ноут и, как профессиональный пианист, начал стучать по клавиатуре.

– Вот настроил. Вы за кого будете играть? За террористов или за спецназ?

Смирнов странно посмотрел на него.

– Понял. Глупость сморозил.

– Играть обязательно на сервере. – Смирнов достал бумажку и прочитал по слогам. – Ма-три-кс. Матрикс!

– Там одни ламеры сидят! Давайте что-нибудь посерьезнее...

– Рыков, делай как сказано!

– Готово. Садитесь рядом. Управление простое...

– Наушники забыли. Вот. – Смирнов достал из пакета недавно купленные наушники, к коробке приклеился наэлектризованный чек.

Так прошло часа два. Рыков показал основы игры, Смирнов аккуратно всё записывал в блокнотик. Выключая ноут, Смирнов предложил:

– Рыков, есть вариант сделки. Ты меня каждый вечер учишь этой дряни несусветной, а тебя перестанут трогать в камере.

– Да это я упал...

– Хорошо, я сделаю так, чтобы ты под ноги внимательнее смотрел и больше не падал.

– Боюсь, после таких вечерних свиданий падений будет больше.

– Посмотрим. Договорились?

– Ну давайте. Мож, убьют быстрее. Не понимаю только, зачем вам это.

– Пытаюсь наверстать упущенное. Скажи, мне сказали, в этой игре можно друг с другом общаться?

– Да, если вы в одной команде. Вы ник знаете?

– Чего?

* * *

Смирнов слово сдержал. К Рыкову перестали лезть в камеру. Их вечерние заседания продолжались. Рыков заметил, что, когда Смирнов играл в одной команде с игроком Blink182, настроение у него сильно поднималось.

– Виктор Петрович, прекрасный эйс! Если учесть, что вы проделали это с одним диглом. Можно вопрос? Кто этот Blink182, с которым вы вынесли полкоманды? – спросил Рыков.

– Такой же парень, как и ты.

– Сын, что ли?

– Разговорчики. Тебе какая разница? – Смирнов разозлился.

– Ну вы же дома можете с ним рубиться?

– Я не живу с ними. Постановление суда.

– Не понимаю!

– Чо тут понимать? Я приносил работу домой. Бухал, орал, требовал подчинения. Вот и докомандовал-ся... Хоть в игре с сыном общаемся. Ты тоже, смотрю, не похож на Пабло Эскобара! Прочитал у тебя в деле!

– Виктор Петрович, я сам дурак. Учился в универе на втором курсе, решил на игровой ноут заработать. Вроде контора серьёзная, название библейское, ООО «Мирт». Курьер. На первом же задании слотошили. Я даже не знал, что в пакете. Пять лет.

Смирнов надел наушники.

– Зато новый комп. Правда, в комнате отдыха в тюрьме. Ну что, ещё партию? Blink182, как у мамы дела?

* * *

Через два дня, не в смену Смирнова, произошло ЧП. Незавершенный суицид. Смирнов первым делом направился в больничный комплекс тюрьмы. На кровати лежал Рыков и грустными глазами смотрел в потолок. Под глазами были огромные синяки.

– Рыков, ты офигел? Ты чо творишь?

– Виктор Петрович, да что вы со мной возитесь? Все равно сделаю! К черту, не хочу больше. Ещё семь лет этой хрени.

Рыков отвернулся к стенке.

– Старичок, надо держаться, надеяться. Надежда – самое лучшее, что есть у человека. Она никогда не умирает! Да, сейчас трудно, потом будет легче. Нужно держать удар. Ну представь, что это самый сложный уровень самой сложной игры. Его надо пройти – и всё.

– Вы же мне обещали, что меня не тронут?

– В глобальном плане тебя не тронут, но есть отморозки, которым нужно отвечать тем же.

– Вы на меня ещё раз посмотрите. Я же дрищ! Я умею только на клавиши нажимать.

– Значит, будем скиллы твои качать.

* * *

На следующий день Смирнов перевёл Рыкова в одиночку. Повесил туда грушу и турник. Распечатал и прилепил скотчем на стену листок бумаги, на котором было написано:

Сила – 0.

Ближний бой – 0.

Скорость – 0.

Интеллект – 100.

Когда Рыков увидел листок, первым делом спросил:

– Это что?

– Я не рассказывал тебе, но я неплохо в Дьябло играл. Это твоя прокачка. За каждые 100 отжиманий – плюс 1 к силе. За каждую серию по груше из 100 ударов – плюс 1 к ближнему бою. Я покажу серии. Скорость позже придумаю, наверное, прыжки.

– Интеллект – sudoku?

– Не, книги. Одна книга – плюс 1 к интеллекту. Ты учишь меня CS, я тебя! И без читерства!

– Договор!

* * *

Эксперимент начался. Рыков оказался целеустремленным и азартным, как и предполагал Смирнов. В течение дня он постоянно тренировался, прибавляя показатели на листочке. Он отключал мозг и пахал. Вечером тренировал Смирнова и его сына в киберспорте. Отец с сыном так сильно сдружились во время игр, что даже после игры долго общались между собой.

Через два месяца Рыков попросил поменять грушу, а ещё через месяц коллеги Смирнова рассказали, что Рыков на прогулке нокаутировал точным хуком в челюсть заключённого по кличке «Утюг». В камере на листочке рядом с ближним боем стояла цифра: 3800. Оставалось решить главное.

* * *

– Алло, это начальник охраны тюрьмы Смирнов беспокоит. Вы следователь Закиров?

– Да, слушаю.

– Вы вели дело по наркоте Рыкова?

– Да, а в чем, собственно, дело? – завелся следователь.

– Я изучил материалы дела. Никакой доказательной базы. Парень даже не знал, что перевозит наркотики. Почему не провели обыски в ООО «Мирт»? Он же там забрал груз?

– Слушай, Смирнов, ты там охраняешь, вот и охраняй. Не повезло пацану – и всё. Не под той звездой родился. Тебе-то что.

– Скажи, мудака, ты палку получил или занесли? Он же ещё ребёнок!

– И чо? Иногда змею закона нужно кормить свежей кровью. Смирнов, успокойся, дело закрыто. Охраняй преступника.

– Пройдёт несколько лет, и ты, гондон, окажешься у меня в гостях. Такие, как ты, всегда здесь оказываются. И тогда мы с тобой по-другому поговорим. Будь здоров.

* * *

– Виктор Петрович, приветствую, дорогой ты мой!

– Здравствуйте, Юрий Михайлович.

– Тут оказия вышла, одному очень уважаемому человеку нужно полгодика у вас проваландаться. Прошу посодействовать и поселить в отдельную камеру с удобствами.

– Без проблем. Но у меня встречная просьба будет. У меня есть заключённый по наркоте. Я считаю, парень перевоспитался. Его бы по УДО выпустить.

– Виктор Петрович, по психоактивным веществам почти нереально. Там сейчас проверки.

– Ой, беда, Юрий Михайлович, запомятовал совсем, у меня же в одиночках ремонт сейчас идет, мест нет. Передайте вашему уважаемому человеку, что его поселят восьмым в камеру к славным парням, которые коротают сроки за особо тяжкие.

– Витя, ты совсем?

– Юра, надо!

– Ок, сделаю.

* * *

На скамейке возле тюрьмы сидели два человека. Со стороны они напоминали отца и сына. У того, что помладше, была большая сумка.

– Виктор Петрович, как вам это удалось?

– Повезло. Что чувствуешь?

– Какое-то приятное чувство...

– Такое приятное чувство испытывает только свободный человек в начале долгого пути. Что делать планируешь?

– В универе восстановлюсь. Вы же мне план написали, – он достал из кармана листок из камеры с четырёхзначными цифрами и дописал в список «Надежда +10 000». – Как с сыном в кино сходили?

Герасим

Ольга Ивановна была не просто женщиной с ужасным характером, она была женщиной с невозможным характером. Муж ушёл, сына забрала Вторая чеченская, и ей казалось, что в этом виноват весь мир. Она работала в ЖКХ главным бухгалтером. Ее ненавидели не только все бабки района, которые зашли просто узнать, «скажите, как вы так начисляете?», но и все коллеги, которым она распределяла зарплату по каким-то своим, неведомым никому законам. На нее постоянно жаловались руководству. Руководство не хотело сесть всерьез и надолго, ведь Ольга Ивановна пару раз прямо порекомендовала не обращать внимания на гавкающих, она же не обращает внимания на многие вещи из жизни ЖЭКа.

– Ольга Ивановна, можно уточнить, а почему мне начислили за электричество на общедомовые нужды в два раза больше, чем в прошлом месяце?

– Вам помирать скоро, какая разница.

– Я жаловаться буду!

– Пожалуйста, бомжам обычно слабо верят.

– Почему бомжам?

– Люди без воды и света очень быстро становятся людьми мира.

– Вы мне угрожаете?

– Рот свой закрой и иди наслаждайся теплой батареей. Обними её и медленно встречай старость!

Ольга Ивановна ходила на работу, потому что дома ещё хуже. Это был не её мир, он предал её. Работа – телевизор, телевизор – работа. Так сгорали дни, месяцы, годы.

Как-то руководство ЖЭКа решило влить в коллектив свежую кровь. Взять таджиков дворников. Все всё понимали. Основной закон экономики в действии – снижай затраты, увеличивай доход.

Ольга Ивановна, по совместительству ещё и кадровик, трудоустраивала этих славных парней. Остался последний. В её кабинет постучались и робко замерли на пороге двое. Мужчина лет пятидесяти с добрыми глазами, как у водяного из советского мультика, и молодой парень.

– Чо стоите в дверях? Вы сюда всем табором пришли? – Ольга Ивановна начала разговор в своей привычной манере.

– Это мой двоюродный дядя. Он не любит говорить, может, языка не знает. Я помогу ему заполнить документы – сказал парень, который был рядом с ним.

Странная таджикская парочка села за стол. Мужчина посмотрел ей в глаза и улыбнулся ещё больше. Ольга Ивановна немного смутилась и сказала:

– Передай своему дяде, чтобы так на меня не смотрел. Глаза выжжет, немой!

– Он не говорит, но всё слышит и понимает. Может, понравились вы ему, – ответил молодой.

– Слушай, щенок с базара кураги и веников, я спрашивала твоего мнения? Заткнись и заполняй документы! – взорвалась Ольга Ивановна.

Парень быстро взял листы бумаги и начал заполнять. Мужчина улыбался, у него была странная улыбка, как будто бы он радовался и удивлялся одновременно. Потом вытащил из внутреннего кармана небольшой полиэтиленовый пакет и положил на стол перед Ольгой Ивановной. В свёртке лежали сухофрукты.

– Так, оба пошли вон отсюда! – Ольга Ивановна отчаянно орала.

– Дядя из уважения к вам подарил. Я ж говорю, понравились вы ему, – оправдывался парень.

– Во-о-он! В коридоре заполнишь! Понаехали!

Когда Ольга Ивановна осталась в кабинете одна, она взяла зеркальце, поправила причёску и накрасила губы розовой помадой с перламутром. Полюбовавшись на результат, улыбнулась сама себе, развернула свёрток и принялась за курагу и инжир.

Ольга Иванова называла загадочного таджика Герасим. Когда она его видела, он всегда улыбался и почтительно кивал, а в течение рабочего дня у неё на столе таинственным образом появлялись небольшие подарки: то красивое блюдо в восточном стиле, то орехи, а один раз – тарелка горячего плова. Как оказалось – очень вкусного. Ольгу Ивановну как подменили. Из серых бесформенных платьев она переоделась в яркие и интересные. Впервые за много лет она улыбнулась в ответ на кивание Герасима.

Коллеги по работе не разделяли её радости.

– Ольга Иванова-то похорошела, подобрела, а не любовь ли это? – троллила соседка по кабинету.

– У кого-то язык как помело, я смотрю. Просто мне нравится восточная кухня.

– И восточные люди, видимо. Олюшка, пойми, это не вариант. Он, конечно, статный мужчина, работающий, но у таких, как он, там, в кишлаке, семья на сто человек и любящая жена, которая раз в неделю ждёт денежных переводов от своего добытчика. А чтобы эти переводы были больше, он тебя и подкармливает, глазки строит. Я этого брата знаю, хитрые они...

– Вера, заткнись! – С этими словами Ольга Ивановна выбежала из кабинета. Впервые за много лет злые слезы прожигали щеки.

На следующий день Ольга Ивановна пришла на работу в спортивном костюме. Она была похожа на фурию: орала на всех, кто только осмелился посмотреть в её сторону, не говоря уж о тех, кому не посчастливилось обратиться к ней по делу. Когда появился Герасим с букетом полевых ромашек, которые «нечаянно» оказались у неё на столе, она демонстративно взяла цветы, вышла на крыльцо ЖЭКа, облила их розжигом для шашлыков и подожгла.

* * *

Через три дня в кабинет Ольги Ивановны вломился пьяный сантехник Гаврилов. Говорили, что давным-давно у них что-то было. А теперь отношения перешли на новый уровень:

– Ольга, трубы горят, дай тысячу!

– Гаврилов, пошёл на хрен! Не дам!

– Оля, я разнесу твой кабинет, достань из сейфа сраную бумажку!

– Гаврилов, иди пропись. Это не мои деньги.

– Ты забыла, видимо? Напомнить? – Он схватил за плечо Ольгу Ивановну и другой рукой замахнулся для удара. В кабинете поднялся крик. Ольга Ивановна зажмурила глаза. Неожиданно в кабинет кто-то зашёл и оттолкнул Гаврилова. Рядом с Гавриловым стоял Герасим и улыбался своей обычной улыбкой. Гаврилов вскипел от злости:

– Ты чо, офигел, чурка?! Ты страной не ошибся?! – Гаврилов молниеносно нанёс удар Герасиму в корпус. Герасим согнулся, выпрямился и снова улыбнулся. Так продолжалось несколько раз. У Герасима из разбитой губы пошла кровь, но он продолжал улыбаться.

– Оль, да он долбанутый, чо он ржёт? Слышь, черножопый, я ж убью тебя!

Ольга Ивановна покраснела и бросилась на Гаврилова. Она визжала, била, пинала. Гаврилов оттолкнул её и громко сказал:

– Да вы по ходу оба с катушек съехали, ну вас на фиг. Посадят ещё. – Гаврилов вылетел из кабинета.

Ольга Ивановна кинулась к Герасиму. Она достала платок, смочила его минералкой, стоящей на столе, и вытерла кровь с его лица. Гладила одной рукой по волосам и говорила что-то успокаивающее. Он так же блаженно улыбался...

* * *

Две недели Ольга Ивановна не видела Герасима. Кто-то говорил, что он вернулся к себе домой. Кто-то – что поменял работу. Ольга не находила себе места. Как-то, вернувшись с обеда, она обнаружила у себя на столе тарелку кураги. Она тут же выбежала на улицу, на скамейке сидел Герасим в светлом костюме, с букетом ромашек и, конечно же, с улыбкой. Она села поближе к нему и обняла.

– Герасим, как же я скучала!

– Моё настоящее имя – Бача, – неожиданно сказал он.

– Так ты умеешь говорить?! А почему же тогда молчал?

– Зачем перебивать такую красивую женщину? Мне нравится тебя слушать.

– Ты куда пропал?

– Я был дома, навещал жену и дочь.

Ольга Иванова резко отстранилась.

– Пять лет назад пьяный водитель автобуса забрал их у меня. С того момента я замолчал. Чтобы я не сошел с ума, мои племянники привезли меня сюда. И тут встретил тебя. Я был на могиле и спрашивал разрешения...

– Ну и что тебе сказали?

– Сказали, что кормить тебя лучше надо, худая вон какая...

Они обнялись и сидели так долго, что автору уже надоело наблюдать за ними, и он поехал на работу продавать ПВХ.

Пикассо

– Люда, в машине у меня сидит, ещё одного снял с товарника. Пацанёнок, лет десять. Грит, к отцу едет. Укусил меня, сучонок малолетний. Распишись здесь.

– Как звать, не сказал? – спросила женщина мужчину в форме.

– Нет, ну что ты... Шипит и волком смотрит. Как ты с ними справляешься, не понимаю! У тебя здесь этих зверьков беспризорных...

– Почему зверьков-то, Смирнов, это ты их видишь зверятами. Они обычные дети. У которых, правда, детство кончилось. Вот, представь, твои родители ушли на работу и не вернулись. Представил? Что б ты чувствовал?

– Ну не знаю. Страшно было бы.

– Вот и у них такие же страх и отчаяние, что тебе и не снилось. Всё, заполнила документы. Веди.

– Люд, пошли сегодня в кино?

– Смирнов, ты чо, передержурил? У тебя три развода и пятеро детей от разных браков.

– Да скучно чо-то...

– И когда тебе скучно, ты детей начинаешь строгать?! Мож, тебе значки начать собирать или марки там? У тебя и так вся зарплата на алименты уходит.

– Просто, Люд, ты такая хорошая баба. Детей своих нет. Воспиталкой здесь пашешь над чужими подкидышами.

– Замолчи! Веди!

* * *

В комнату вошла странная пара. Тучный служитель порядка, на котором форма громоздилась ярусами из-за складок, и маленький светлый мальчик с голубыми глазами. Мальчик был в рваной одежде. Грязь, ссадины на лице и криво подстриженная челка. Полицейский буквально тащил его за руку. Мальчишка упирался, выкручивал руку и орал:

– Пусти, сука, я всё равно здесь не останусь!

– Ты кого сукой назвал, сука! – проорал полицейский.

– Смирнов, а у тебя богатый запас ругательных слов, – ехидно заметила Людмила. Женщина и мальчик переглянулись и улыбнулись.

– Люд, вот он, верткий. Раз пять меня укусил, гадёныш. Поди, еще прививки придётся ставить против бешенства.

– Ещё раз укушу, жиробас! – прошипел мальчик.

– Ты кого толстым назвал, скотина?! – Смирнов замахнулся.

– Стоп, Смирнов! Маркиз Жиробас – это персонаж из книги Жюль Верна. Не читал?! Паспарту и Жиробас. Два главных героя за восемьдесят дней вокруг света облетели, – сказала Люда.

– А-а-а, читал, конечно. Забыл просто. Ладно, пойду я. Про кино в силе. Пока, Люд.

– Пока.

Женщина и мальчик остались одни в комнате. После того как маркиз «Жиробас» закрыл за собой дверь, в комнате разразился хохот. Смеялись оба. Мальчик сквозь смех сказал:

– Ну он и тупой! Классно ты его!

– Мне очень приятно, что вы, молодой человек, называете меня на «ты», тем самым ставя меня в ранг приятеля. Но я старше вас и мне было бы приятно, если бы вы ко мне обращались на «вы». Решать вам, конечно же.

– Извини... те.

– Я Людмила Петровна! А вас как зовут!?

– Пикассо. Погоняло.

– Вы хорошо рисуете?

– Я псих. Ну, и иногда рисую. Я всё равно сбегу.

– А я вас не держу. Уходите!

Мальчик подошёл к двери. Людмила размышляла вслух.

– Так, сейчас поздняя осень. Скоро зима. Туда, куда вы едете, – путь неблизкий, иначе вы не сели бы на поезд. Предлагаю вам здесь передохнуть. Помыться, поесть нормально. В тепле. А летом, если захотите, уедете.

Мальчик остановился и сказал:

– Магадан. Мне надо попасть туда.

– Понятно.

– Папку должны выпустить весной.

– Так.

– Можно и у тебя пожить. Ой, у вас! Паша!

– Что, Паша?

– Меня Паша зовут.

* * *

В социально-реабилитационном приюте небольшого городка Павлу понравилось. После пары драк в борьбе за лидерство он стал своим. Кормили и одевали хорошо. Но самое главное – Людмила Петровна покупала ему краски и бумагу. В её кабинете после обеда в будние дни он по часу рисовал. Сначала рисовал пейзажи, потом взялся за портреты воспитателей, друзей. Потом вдруг занервничал, прятал работу, несколько дней отказывался рисовать. Людмила предложила поменять тему. Паша наотрез отказался, показал недоделанную работу и начал плакать. Людмила обняла его и закрыла кабинет, чтобы никто не мог зайти. С портрета смотрела молодая женщина с высокими скулами и чуть раскосыми глазами. Паша сквозь слёзы сказал:

– Это мама...

– Я поняла, милый, ты же её копия.

– Она меня бросила! Она...

– Тссс.

– Что я сделал не так? Людмила Петровна, я ведь могу всё исправить?

– Конечно, можешь. Когда вырастешь, ты её найдёшь обязательно. Паш, знаешь, что у меня есть один хороший знакомый. Он художник. Давай он два раза в неделю будет с тобой заниматься? Ты сможешь все свои переживания: радость, грусть, любовь – выразить в картинах.

– Отца нарисую...

* * *

– Люда, ты в своём уме? Мало того, что ты на свои деньги покупаешь ему краски и бумагу, так ты ещё и репетитора по рисованию ему наняла?

– Ты займёшь или нет? Через неделю аванс, отдам.

– Люда, мне это не нравится. Я как твоя подруга всегда тебя поддержу, но там же есть и другие дети.

– Нин, пойми, он какой-то особенный. Вот он нарисует что-нибудь, ты на это смотришь и начинаешь хохотать как сумасшедшая. Такое впечатление, что он в эти картины что-то закладывает. Чувства он умеет передавать, что ли. Вот посмотри, картина называется «МАМА».

Людмила достала телефон и показала фото рисунка подруге. Через пять минут две женщины ревели и обнимались.

* * *

Пришла весна. Людмила подписывала документы в своём кабинете. Неожиданно в кабинет влетел охранник Егор.

– Людмила Петровна, Пикассо пропал.

Везде обыскались. С обеда не вернулся. Вещей его нет.

– Ох... В Магадан поехал.

– После всего того, что вы для него сделали?!

– Егорушка, пыталась сделать...

* * *

Людмиле было плохо. Вот бывает такое настроение, когда тяжело на душе и всё. И понятно, что она ляжет спать и утром будет легче, но скреблись кошки на сердце, скреблись. Магадан этот чёртов...

Она подошла к двери большого частного дома. Дверь была незаперта. Опять забыла закрыть, дура, – подумалось Людмиле. В кухне на стуле сидел голубоглазый мальчик.

– Ты ж в Магадан рванул?

– Я поехал... но потом про «Жиробаса» вспомнил. – Они улыбнулись. – Я возле вокзала встретил своего учителя-художника, картинами там торгует. Он мне сказал, что вы каждое занятие оплачиваете. Почему?

– Потому что у тебя талант.

– Но ведь я вам никто? Чужой?

– Это неправда, ты и сам это знаешь!

– Давайте так. Я честный пацан. Мне подачек не надо. Я у вас по дому всё буду делать, крыльцо починю, забор поправлю, а то завалился, побелю ещё. Что смогу, в общем. А следующим летом тогда в Магадан. Договорились?

– Одно условие.

– Какое?

– Ты меня нарисуешь.

Шоу-моу

1992 год, маленький провинциальный городок. Половина населения трудится на градообразующем заводе, вторая половина кормит, лечит и учит первую. Точнее, так было раньше. С приходом приватизации завод вместо высокоточных дул для танков начал выпускать стиральные машины-малютки «Лилия»: 50 % ломались сразу, остальные – через пару месяцев. Большинство сотрудников сократили, а немногих счастливицов перевели на трехдневную рабочую неделю.

Светлана в той, прошлой жизни работала инженером. Теперь её зарплаты хватало на несколько дней – при условии, что главным блюдом в рационе будет варёная картошка без масла. Пора действовать, поняла девушка. Рассчитывать ей было не на кого: позади развод, на руках – пятилетний ребёнок. Ну, если можно считать разводом фразу: «Вали на хрен, как протрезвеешь, – увидишь сына».

Светлана арендовала на рынке место для продажи нижнего белья. Продав в ближайшем большом городе две «Лилии», кольцо (свадьба), цепочку (18 лет) и кулон-чик (первая зарплата), закупила товар. График получился очень удобным: с понедельника по среду на заводе, потом – рынок, сын в саду, мама на подстраховке. В моду вошли кружевные трусики и бюстгалтеры «Анжелика». Стоя на картонке за занавеской, покупательницы натягивали бельё и оглядывали себя в осколок зеркала, который держала Светлана. Она научилась отличать «эсочку» от «элечки» на глаз, одобрительно цокать языком и говорить: «Женщина, вам отлично, берите». Жить можно, и ладно.

* * *

Пришла весна. Однажды в субботу Светлана пила растворимый кофе и раскладывала товар, когда к прилавок подошёл мужчина в шубе. Кудрявые тёмные волосы поблёскивали от лака, половину лица закрывали тёмные очки. В общем, перспективный мэн, при деньгах.

– Приветствую, леди. Какой у вас максимальный размер нижней части нижнего же белья?

– Вам трусы, что ли? Вот.

– Подойдёт. Можно четыре таких?

– Конечно, можно. Не пожалеете, мужчина, качество очень хорошее, пекинское кружево. Не китайский ширпотреб.

Станный покупатель улыбнулся и снял очки. Оказалось, у него красивые глаза – зелёные, лучистые, и взгляд мягкий. Магический, как писали в любовных романах. Светлана за зиму много таких перечитала.

– А вы симпатичная. У меня к вам просьба. Пришьёте вот эти блёстки и стразы к вашим изделиям? Заплачу тройную цену.

Мужчина достал из кармана шубы пакетик с переливающимися на весеннем солнце стекляшками.

– Пришью. Засверкаете со всех сторон.

– Большое спасибо. Очень нас выручите, костюмер приболела. Я зайду через час.

Шить Светлана любила ещё со школы и управилась быстро. Зеленоглазый покупатель, вернувшись, остался очень доволен.

– Замечательно! Ровненькие швы, и расположили симметрично. Вы профессиональная швея?

– Нет, я инженер. Проектирую танки.

– Браво. А я окончил мореходное училище.

– Зачем вам в море трусы со стразами?

– Это элемент костюма. Я пою в эстрадной группе, и сегодня у нас концерт. «Упала шляпа, упала на пол...» Узнаёте?

– Не очень.

– А «Фаина, фай-на-на»?

– Да я телевизор почти не смотрю.

Мужчина задумался.

– Знаете, у меня есть предложение. Вот вам два билета. Приходите вечером. Если понравится – поедете с нами в тур костюмером. Я договорюсь.

После ухода покупателя Светлана повертела в руках билеты и отправила их в ближайшую урну. Только этой авантюры ей не хватало для полного счастья.

Торговля шла ни шатко ни валко: единственным, кто задержался у трусов дольше пары минут, оказался бывший супруг. Этого ничем не отведишь. Он успел где-то нагрузиться и, как всегда в подпитии, принялся читать Светлане лекцию.

– Света, Ты – инженер! Советский инженер. Вынуждена побираться, опускаясь до торговли трусов, не смей предавать идеалы нашей юности! Тебя этому учили? Ты понимаешь, что у нас украли будущее? Мечты больше нет. Теперь у руля жульё и ворьё, бывшие пэтэушники. Закон силы, закон животного превосходства.

– Вить, чего хотел?

– Займи на чекушку.

– Глаза б мои тебя не видели. На. И исчезни, наконец.

К счастью, урну ещё не успели очистить.

* * *

Первые полгода новая жизнь Светлане очень нравилась. Среди нищеты и серости – праздник каждый день, аншлаги, ревущая от восторга публика, букеты и мягкие игрушки, часть которых можно было забрать себе. Работа – ничего сложного: пришивать стразы и бусинки, украшать лентами и перьями, делать из обычных вещей сценические костюмы. Игорь, именно так звали зеленоглазого искусителя, оказался одним из четырёх солистов известной группы. Составов было несколько: поделив страну, каждый обрабатывал свой участок. Концерты давали где придётся, в том числе в воинских частях, маленьких домах культуры, даже в женских колониях. От выступления в мужских группа отказывалась: ходили слухи, что пару раз случались «неприятные инциденты».

Половину зарплаты Светлана высылала маме и сыну, остальное откладывала, питалась чем придётся. Если не лениться, можно заработать на переезд в Питер. Там мосты и белые ночи. Как-то она спросила Игоря:

– Можно поехать на гастроли поближе к Питеру?

– Ты же знаешь, что нет, договорённости нарушать нельзя. Но мы делаем хорошую кассу, скоро позовут в Москву. Клипы: «Марафон 15», «Взгляд», «Песня года». Вот заработаем денег, потом рванём с тобой куда хочешь.

Ещё через месяц Светлана поняла, что беременна. После концерта на Дне шахтёра в Новокузнецке она решила поговорить с будущим отцом. Был вечер, в гостиничном номере Игорь, забравшись на кровать с ногами, считал деньги, перекладывая пачки из одной спортивной сумки в другую.

– Негусто. Пора менять концепцию. Света, завтра покупаем кожаное.

– Зачем?

– В моду входит техно. Видела группу «Кар-мэн»? «Лондон, гудбай», «Чао, бамбино». Хитовые парни.

– Я не смотрю телевизор. Игорь, у нас будет ребёнок, – от волнения Светлана говорила всё быстрее. – Давай поедem в Питер? Я скопила денег, у тебя тоже кое-что есть. Откроем цех по пошиву джинсов, научимся делать «варёнки». У меня руки хорошие, у тебя – чувство стиля.

Игорь оторвался от сумок и внимательно на неё посмотрел.

– Давай начистоту. Кто отец ребёнка?

Светлана молчала. Колдовские зелёные глаза совершенно ничего не выражали, даже досады. Оставалось только встать и выйти из номера, что она и сделала.

* * *

Завод давно закрыли, а рынок выжил, как выживают все рынки мира. Перестройка, развал Советского Союза, дефолт, экономический кризис конца нулевых – кружевные трусы стояли насмерть.

Светлана пила кофе, перекладывала товар: «элечку» справа, «эсочку» слева. Весеннее солнце дробилось в осколке зеркала.

К прилавку подошёл статный седой человек.

– Здравствуй, Светлана. Сколько лет, сколько зим.

– Ну привет, Игорь. Как ты?

– Отлично. Нашёл золотую жилу. Рэперы! Ничего не надо: ни костюмов, ни музыкантов. «Незабудка», «Витаминка», «Алёнка». Слышала?

– Сто раз тебе говорила, что не смотрю телевизор.

– Теперь все смотрят Ютуб. Скоро поедem в Москву. Есть у вас тут подходящие девочки для подтанцовки и бэка?

Между рядами, таща за собой тележку с надписью «Чай, кофе, манты», шла очень красивая зеленоглазая девушка. Поравнявшись со Светланой, она сказала:

– Совсем торговли нет. Тебе кофе повторить?

– Пока не надо, Маша.

– А вам?

Девушка посмотрела на Игоря.

– Дитя, вы прекрасны! Приглашаю вас на концерт, а потом...

– Игорь, тебе пора, – перебила Светлана. – Иди.

– Так это, получается... – Он снял тёмные очки.

– Иди!

Пожав плечами, Игорь удалился.

– Мам, кто это?

– Да так, чудик знакомый.

– Я ещё кружок сделаю – и домой, за учебники, – сказала Маша.

– Давай.

– Два месяца осталось. Мам, а если не поступлю в Питер? Может, не надо? Говорят, там одно жульё и ворьё.

– Поступишь. У тебя хорошие гены.

Полосы

«Пошёл на хрен из моей жизни!»

Который раз он прокручивал в голове этот крик. Это предложение было какой-то стоп-фразой их отношениям. На самой красивой улице самого красивого города земли она вопила так громко, что хотелось спрятаться, исчезнуть, сделать вид, что просто проходил мимо. Фраза, поставившая точку в их отношениях. Хорошую точку, жирнее некуда.

Растерянный мужчина сидел в самолёте, выполняющем рейс по маршруту Санкт-Петербург – Хабаровск, время в пути – десять часов тридцать пять минут. Достаточно, чтобы насмотреться вдоволь в тёмный иллюминатор.

– Что, не можешь заснуть? – наклонилась к нему подвыпившая соседка. – Я тоже. Лечу вот в Хабаровск на аудит, у нас там «дочка». Летать боюсь страшно, пришлось накатить для храбрости. А почему такой грустный? Утюг забыл выключить или погода не нравится? Забей. Это мелочи по сравнению с жизнью человека. Как попадёт в двигатель ворона, о другом думать будешь!

Он брезгливо отодвинулся.

* * *

Тайные, глубоко законспирированные отношения длились несколько лет. Они то встречались и утопали в страсти, то решали быть благоразумными и всё прекратить, не выдерживали и снова «боролись за свои чувства» – так это у них называлось. Любовь с обременениями.

В этот раз, наплевав на последствия, они вместе улетели в самый красивый город. Пили глинтвейн по ночам, любясь разводом мостов, и губы были красными от вина и поцелуев. Почти не говорили, только прижимались друг к другу. Если бы кому-то сверху пришло в голову найти самую счастливую пару на земле, выбор был бы очевиден. Эти двое, которые стоят у Невы с пластиковыми стаканчиками в замерзших руках. «Больше не надо прятаться, – думал он. – Вот мы, вот мост, вода, ночь – мир наконец устроен правильно и просто».

Потом они встретили молодых рок-музыкантов из Воронежа, приехавших на квартирник. Нормальные парни с двумя гитарами. Пошли все вместе до Исаакия, голося хором песни Bon Jovi и Aerosmith. У собора к ним подошли неприветливые лысые люди и потребовали сыграть что-нибудь из репертуара группы «Ноль». Рокеры отказались, лысые закономерно начали угрожать. Он хотел вступить за подрастающее поколение, а она хотела уйти. И попросила об этом – несколько раз, очень настойчиво. Он, конечно, не услышал, потому что рассказывал любителям «Ноля», как надо себя вести в компании интеллигентных людей. Когда конфликт был исчерпан, её уже не было рядом. Телефон отключён.

Чувствуя, как хмель выветривается, уступая место панике, он побежал по ночным улицам. Плохие мысли потом, сейчас надо искать, обходить дворы один за другим.

Она сидела на лавочке у большого серого дома. Глаза припухли от слёз. Рядом стояла початая бутылка вина.

– Где ты была?

– А тебе не пофиг?

– Что ты несёшь, дурочка.

– Я несколько раз сказала: пошли отсюда. Опять ты хочешь быть хорошим для всех на свете, кроме меня!

– Там делов на десять минут было. Ребята молодые, как им не помочь?

– А если драка? Спаситель человечества, Бэтмен на полставки. Когда она позвонит, тоже помчишься помогать?

– Это в прошлом.

– Не смей обманывать! – Она срывалась на крик, нотки в голосе появились неприятные, визгливые. – Побежишь как миленький, а мне скажешь: «До скорого, позвоню». Ты двуличен до мозга костей, всегда всем врал, начиная с себя.

– Хватит! Только что у моста мы были самыми счастливыми на свете, а ты хочешь нас сделать самыми несчастными. Замолчи уже.

– А то что? – нервно засмеялась она. – Ну заткни мне рот, попробуй. Даже этого не можешь, ты же боишься конфликтов и ссор, да?

Его кулаки непроизвольно сжались. Чтобы не ударить, он развернулся и пошёл прочь. Вслед ему неслось: «Пошёл на хрен из моей жизни!»

В номере он быстро собрал вещи, расплатился и поехал в Пулково. Билеты на ближайший рейс ещё были.

* * *

– ... И тут он грит: «Хочу жить с тобой!» А я ему: «Чувак, польщена, но ты негр. Что люди подумают?» Выдал: «Люди? Хрен им в груди!» Нормально, думаю, обрусение полным ходом!

Загорелась табличка «Пристегните ремни». На обычную зону турбулентности это было не похоже: трясло и качало так, что закружилась голова. Чей-то ребёнок заплакал, чья-то жена закричала, что самолёт обязательно разобьётся. Капитан вышел на связь и сообщил, что из-за небольшой неисправности воздушное судно приземлится в ближайшем аэропорту. По интонации стало понятно: насчёт неисправности сказал правду, а про небольшую – соврал.

Удивительно, но страха не было совсем. «Может, дойдёт наконец, что так нельзя. Невозможно жить на качелях этих бесконечных». Он закрыл глаза и представил, как всё пройдёт. Какое платье она наденет, будет ли плакать навзрыд, или, наоборот, из последних сил держать лицо.

Соседка вцепилась в его руку, оставляя на запястье следы от ногтей.

– Если жить останусь, сразу скажу да, – сдавленно прошептала она. – Сразу. На людей пофиг. Что с нами будет? Не молчи. Мы падаем, не дошло? Сидишь как каменный.

А что, если она летит на другом самолёте, с которым тоже что-то случилось? Или не вернулась в гостиницу? Ночь, одна на лавочке. Господи, где она вообще?

Он посмотрел на соседку и свободной рукой накрыл её ладонь.

– Не падаем. Успокойтесь, всё будет хорошо.

* * *

В Екатеринбурге он сразу включил телефон. Тридцать два пропущенных звонка и двенадцать сообщений. Она писала, что смотрела новости, что их пилот – герой и что она сейчас садится на самолёт до Хабаровска.

«У меня всё нормально», – написал он.

«Ты забыл зарядку, свитер и магнит с собором. Заедешь, как доберёмся?»

«Заеду».

«Хорошо. Купи вина».

Кафе «Малинка»

Петру Алексеевичу недавно исполнилось 68 лет. Когда-то он работал в органах, но после того как к нему обратились с деликатной просьбой, оставил любимую специальность и стал профессиональным «решалой». Петр Алексеевич обладал приятной внешностью, был интересным и остроумным собеседником, разбирался в людях, так что карьера шла в гору. Увы, в последние годы привычный образ жизни начал его тяготить. Рестораны, бани, задушевные ночные беседы приносят удовольствие, когда тебе тридцать. В шестьдесят они утомляют. Пётр Алексеевич понимал, что постепенно превращается в злобного старикашку. С женой он уже полгода не разговаривал, где живёт и чем занимается единственный сын, не имел представления. Все его связи либо ушли на пенсию, либо сидели в тюрьме. Однако ничего больше, кроме как решать чужие проблемы, он не умел. Ещё два-три года посуетиться, нарастить финансовый жирок – и хватит.

Тихим апрельским вечером в его квартире зазвонил телефон.

– Пётр Алексеевич? – спросил женский голос.

– Да.

– Ваш номер мне дали общие знакомые. Мы можем поговорить по вотсапу или вайберу?

– Мы можем поговорить по телефону. Что, собственно, и делаем, – раздражённо ответил Пётр Алексеевич.

– Ясно. Тогда я скину вам скрин постановления в вотсап, вы посмотрите, а потом решим, что делать.

Женщина положила трубку. Через полчаса звонок раздался снова.

– Пётр Алексеевич, вас нет в вотсапе, в соцсетях по фамилии тоже не нашла. У вас фейковый аккаунт? Вы где?

– Я дома, в своей квартире.

В трубке озадаченно засопели:

– Блин, и как быть?

– То есть просто встретиться мы не можем? Если у меня нет всей этой модной хрени, я не человек? – Пётр Алексеевич начинал кипятиться.

– Извините, не хотела обидеть. А может, я вам документы по почте отправлю?

– Отправляйте Почтой России, но имейте в виду, что пакет дойдёт через месяц, если вообще дойдёт.

– Да я насчёт мэйла... Простите ещё раз. Конечно, встретимся лично. Скинете скрин из «Гугл мэп»? Ох. Я нечаянно. Диктуйте адрес.

– Кафе «Малинка».

Пётр Алексеевич честно пытался идти в ногу со временем, но ничего не получалось. Страницы в интернете раздражали его бегающими картинками и резкими звуками, от которых болела голова. В почтовый ящик, который называют мэйлом или электронкой, сыпались оскорбительные послания о средствах для повышения потенции. Самым большим разочарованием стал смартфон: функции аппарата Пётр Алексеевич изучил, однако его пальцы оказались слишком толстыми для крошечных букв на экране. То ли дело старый добрый кнопочный телефон.

В кафе стремительно вошла женщина лет двадцати пяти.

– Вы – Пётр Алексеевич?

– Да.

– А меня зовут...

– Не нужно. Достаточно того, что у нас есть общие знакомые. Мой номер телефона известен немногим.

– Хорошо. Вот постановление.

Она положила перед ним листок бумаги. Надев очки, Пётр Алексеевич внимательно прочитал текст.

– Для полноты картины вам стоит посмотреть ролик на «ютубе», – сказала женщина, доставая из сумочки сигареты. – Он небольшой. Сейчас отправлю вам ссылку.

Пётр Алексеевич бросил на столик свой телефон. Это была старая и дешёвая модель «Нокии», перевязанная крест-накрест синей изолентой.

– Как с вами работать? – возмутилась она. – Ходячий пережиток прошлого. И кафе какое-то выбрали старорежимное, ну и меню! Котлеты с винегретом, компот, каша манная.

Кафе действительно было не из модных. «Малинка» принадлежала старому товарищу Петра Алексеевича, который вот уже несколько лет находился в затяжной командировке где-то в Магаданской области.

– Ближе к делу. Чего вы хотите от меня?

– Нужно выйти на одного прокурора. Ему сорок лет, он занимается триатлоном.

Петру Алексеевичу потребовалось несколько рукопожатий, чтобы найти телефон прокурора. Дело оставалось за малым: позвонить и договориться о встрече. Резкое и чужое слово «триатлон» не давало ему покоя. Раньше для решения большинства вопросов требовалось провести полночи в ресторане, вторую половину – в бане. А новое поколение оказалось изнеженным донельзя. Одни не любят баню, другие предпочитают девочкам мальчиков, третьи сидят на вегетарианской диете, не пьют ничего крепче зелёного чая и занимаются йогой – какие уж тут ночные забавы. Ещё и триатлон.

Пётр Алексеевич подошёл к зеркалу. Оттуда смотрел грустными собачьими глазами старикан с огромным пузом. Даже за болельщика его можно было принять с большим трудом.

* * *

– Меня зовут Пётр Алексеевич, я от Семёна Яковлевича.

– Как же, слышан.

– Встретимся вечером в кафе «Малинка»?

– По вечерам у меня тренировки, полумарафон. Вы бегаєте? Можем совместить приятное с полезным.

Пётр Алексеевич посмотрел на своё обширное пузо, гадая, что собеседник считает приятным: беседу или бег.

– Пожалуй, откажусь.

– Тогда могу предложить два «окна» в своём расписании, каждое по десять минут. Встретимся в суши-баре.

Пётр Алексеевич приехал точно в назначенное время. Его собеседник уже сидел за столиком и попивал что-то ядовито-розовое из высокого стакана.

– Приветствую. Олд скул, живая легенда. Мне много о вас рассказывали.

– Я знаю. Так вот, по сути вопроса...

Мужчина расхохотался.

– Лучше закажите себе роллы, отвлекитесь. Умеете пользоваться палочками? Хотя куда вам. Картошку и сосиски сподручнее есть алюминиевой вилкой.

– Не понял...

– Что ж тут непонятного. Я согласился с вами встретиться, Пётр Алексеевич, исключительно ради удовольствия лицезреть ваш побитый молью костюм и одутловатое старческое лицо. Интересно было, неужели вы правда думаете, что ещё имеете какой-то вес? Ваше время давно прошло. Вас списали в утиль. О делах беседовать с пенсионерами смешно, а вот роллами угостить могу. Из сострадания.

Размахнувшись, Пётр Алексеевич ловко вогнал палочки для суши мужчине в глаза. Не обращая внимания на истошные крики жертвы, посетителей и двух официанток, он аккуратно промокнул кровавое пятно на пиджаке салфеткой и вышел на улицу. Сев в такси, он посмотрел на часы, подумал немного и скомандовал водителю:

– В кафе «Малинка».

Просто. Машина

Я – «Мазда 3» красного цвета. Сколько мне лет я вам не скажу, так как неприлично дамам свой возраст кому попало озвучивать. Меня произвели в далёкой Японии. Как это было – не помню. Наверняка, япошки (сама, получается, я тоже япошка) сделали меня и побежали суши свои трескать да sake запивать. Злюсь я на них. Продали меня, как рабыню какую-то. Помню только автосалон «Коля Моторс: Мазды и КамАЗы». Нормальное соседство? Не скрою, очутиться в мужской компании мне было очень приятно. Такое усиленное внимание со стороны неотесанных, туповатых, brutальных машин. Но они были достаточно милыми. Иногда встречаю на дороге – мигаю, они аж от неожиданности

останавливаются, выбегает водитель и начинает подливать бензин. Говорят, что мы бездушные машины. Ну-ну.

Мой первый хозяин был меланхолический мужчина лет тридцати с гаком. Он работал прорабом на стройке и немного подворовывал строительные материалы. После того как чуток скопил, решил инвестировать. Куда? Ну, понятно. КамАЗ он не потянул, а вот меня – пожалуйста. Не виновата я, что в нашем маленьком городке всего лишь один автосалон. Берёг и заботился обо мне прораб. Почти всё время стояла в гараже. Нельзя было ему приезжать на работу на такой машине. Сразу бы вычислили арматурного коррупционера. Поэтому он ездил на работу на старом мотоцикле Урал. С коляской. На всякий случай одевался как бомж. Вечерами натирал меня и называл «моя прелесть». Блин. А я молодая была, мне свобода нужна, не могу в четырех стенах запертой, хоть волком вой.

Как-то на выходных повёз на мне прораб мой жену свою на рынок. Жена неприятная женщина оказалась. Всё бубнила:

– Вот ты все вечера с этой машиной проводишь. С семьёй вообще не общаешься. Ещё цвет выбрал красный, мой самый нелюбимый. Ну, живи тогда с этой железякой тупой!

Ну такого хамства я не стерпела. Нечаянно, на кочке, на месте жены сработала подушка безопасности. Не сильно, конечно, но кровь из носа потекла. Дороги в городе плохие! Ям столько. Мэр, опять же, виноват. Ну и за языком надо следить кое-кому.

Ну всё, после этого случая начала жена гундеть, мол, продавай её. Будем жить как люди, шубу мне купим, в Турцию слетаем. Эх, прораб, прораб... Как умные люди говорят – послушай женщину и сделай наоборот... Нет, блин. Продали меня. Купил жене шубу. Жену в шубе на рынке увидела супруга застройщика главного. Выводы быстро сделала. Мужу доложила. Прораба моего уволили. Дело до сих пор идёт. Женщины коварные, нельзя нас обижать.

Продали меня (Изаура, блин, какая-то) дочке чиновника, который землю распределял. Распределял так, что у всех членов его семьи были коттеджи, престижные машины и не очень (на теще числились двадцать КамАЗов). А сам бедолага-распределитель имел старый серый костюм, да зарплату двадцать две тысячи рублей в месяц. Так вот, решил меня на совершеннолетие дочке

подарить. Ей в жизни нравилось две вещи: Инстаграм и красный цвет. Я стала третьей любимой вещью. На второй же день дочурка на скорости 80 км/час въехала в автобусную остановку. Просто срочно нужно было проверить директ Инсты. Важное же написали.

На остановке были 4–5 человек, удалось никого не зацепить. Правда, пришлось въехать в осветительный столб. Ну и девочку-водителя я спасла. Все подушки выбросила, тормозную систему на полную включила. Правда, сама я того... Хотя я ж железяка, кому какое дело.

Чиновник сделал вывод, что плохое освещение было на трассе. Купил дочке «Порше Каен»: сказал, что машина повыше, дорогу лучше видно будет. А меня продали на разбор Сереге.

Серега решил оставить меня себе. Полгода он после работы в гараже меня восстанавливал. Поменял много чего. Перекрасил меня в синий цвет. Говорит, друзья не поняли бы, если красный оставить. А мне синий больше нравится, он лучше с моими серебряными дисками смотрится. Серега классный, понимает меня. Ласточкой называет. Вот знайте, как вы относитесь к машине, так и машина будет относиться к вам. И если у кого-то на морозе не заводится машина, дело не в морозе и аккумуляторе – дело в вас! Мы, ну а что мы, железяки тупые...

Ночная лига

Мы с боем вырвали эту победу у команды мясокомбината. Потери понесли все, в том числе и я: пришлось ударить одного упыря, который в ответ разукрасил мне лицо и сломал передний зуб. Ничего не поделаешь, лидеру всегда достаётся на орехи.

Я капитан футбольной команды балалаечников в ночной любительской лиге по футболу. Смешно? Упырь тоже смеялся, и зря. Да, мы музыканты и играем на самом узнаваемом из народных инструментов. Что вовсе не означает, что за мячом мы бегаем в косоворотках и лаптях, распевая «Калинку-малинку». Меня часто спрашивают, как люди начинают играть на балалайке и зачем. В моём случае всё просто: нравится. Три струны, а душу выворачивают наизнанку.

Почему-то считается, что музыканты и вообще творческие работники только про высокие материи и думают, баблом не интересуются, бренчат себе, блаженные. На самом деле мы калымим, где только можно: свадьбы, юбилеи, корпоративы. Чтобы купить очередную дозу еды, одежды, жилья. Надо, в конце концов, питаться калорийно, а то сил не будет лупить по струнам.

На спортивную репутацию профессия влияет, факт. Хуже нас только балерунам – те вообще первые матчи только и делали, что дрались, много было желающих пошутить насчёт обтягивающих трико и сексуальной ориентации. Но рано или поздно спорт покажет, кто чего стоит. В ночной лиге ты – тот, кто ты есть, и не важно, играешь с ментами, ворами или работниками крематория. Границы стёрты. Нет богатых и бедных, умных и тупых, есть только Лёхи, Серёги и козлы, имена которых не хочется запоминать. Мой мир, моё пристанище. Добро пожаловать!

В тот год мы хорошо продвинулись и в конце сезона занимали третье место из пятнадцати. Оставалось всего четыре игры – и шансы на победу, хоть мы и остались без лучшего нападающего. Витёк тогда вообще просто по полю бежал, но какому-то мудаку из команды Госнарконтроля не захотелось проигрывать со счётом 4:5 за пару минут до конца второго тайма, поэтому он тупо снёс нашего игрока. У Витька травма оказалась серьёзной: разрыв мениска, полюбому следующие матчи в пролёте. Я не удержался, врезал мудаку. Две серии, как учили в школе бокса, и он уже лежит. Конечно, мне пытались угрожать, но что было в ночной лиге, остаётся в ночной лиге, таковы правила. Иначе я бы уже варезки шил где-нибудь под Воркутой.

И вот самая важная игра. Начало в 23 часа, а до этого мы должны были калымить на даче какого-то чиновника, веселить распаренных после бани гостей русскими народными песнями. По идее, чинуши служат отечеству и делают жизнь простого человека лучше. А посмотришь на их хоромы – сразу ясно, чем они на самом деле заняты и сколько с этого имеют. Чиновник точно был важной шишкой, с нами даже директор поехал, разгуливал по участку и искал, к кому был ещё подлизаться. В девять вечера вроде закончили. Оставалось одну песню доиграть – и на матч.

Вдруг директор говорит: остаёмся, гостям понравилось, продлили нас. Я сразу сказал, что не могу, футбол скоро. Директор моё слово знает, не настаивал, передал чинуше извинения. И виновник торжества сам подошёл, не поверите. Пьяный, толстый, в простыне на белом теле.

– Это кто тут не хочет поиграть для уважаемых людей?

Я встал.

– Я. Не могу подвести товарищей.

Толстяк дышал как паровоз.

– Давай так, Паганини: будешь играть столько, сколько я скажу.

– Вы не много на себя берёте?

– Закрой рот, балалаечник, и в зал. Гости ждут «Калинку».

Я сжал кулаки.

– Чиновники вроде интересы народа защищают. А народу точно нужны такие мрази, как ты?

Он попытался ударить, но не позволил уровень физ-подготовки. Через пару минут уже лежал чинуша, отдыхал на холодненьком полу. Началась суета. Кто-то орал, что меня посадят и надо теперь ходить оглядываясь, кто-то матерился, кто-то ржал. Я пошёл к машине. Директор приплясывал рядом и ныл:

– Ну куда ты лез, закроют же. У него прокурор в друзьях.

– До утра-то не закроют?

– Не должны. Сбежать хочешь, что ли?

Я не ответил.

В ту ночь мы играли с командой ФСБ. Ничья. Лёха, их капитан, после второго тайма сказал мне:

– Слышал, у тебя проблемы.

У нас в ночной лиге ничего не скроешь.

– Мне сказали, что у меня есть ночь. Ради этой игры, не жалко. Хорошо играли. Там буду вспоминать.

– Не будешь. Что-нибудь придумаем.

Кидок

Сибирский мегаполис, лето, жара, кондиционеры надрываются и капают конденсатом. Кто-то уже вернулся из отпуска, а кто-то на даче в выходные жарит шашлыки. Бизнес застыл в ожидании сентября, а в офисах ведутся неспешные разговоры.

– Ох, ну вроде взрослый мужик, ты что, Смирнов, реально не слышал про схему с дружественным кидком? – спросил коллега коллегу. В офисе их рабочие столы стояли напротив друг друга.

– Да нет же, Валера.

– Ну, слушай батю. Батя всему научит своего увальня-сыночка. Неожиданно у тебя появляется знакомый. Ну не знаю, в очереди познакомились.

– С тобой часто знакомятся мужчины в очередях?

– Ну бывает.

– А это сразу тебя не настораживает? Вот стоишь ты с женой в очереди за билетами в кино. К тебе подходит мужик и такой: я – Антон. Как вам погода сегодня? Давайте на троих чатик в ватсапе замутим и будем обсуждать фильм, который сейчас посмотрим?

- Ну не утрируй, Смирнов. Ну не в очереди, так, например, в такси познакомился.
- В такси я могу познакомиться только с таксистом.
- Ну в бла-бла-каре можно неплохих друзей найти.
- Где нам, дуракам, чай пить! Валера, я даже комментировать не буду. Рассказывай схему свою.
- Ну, в общем, есть новый знакомый. И просит дать ему в долг, например, сто рублей в понедельник.
- В воскресенье в бла-бла-каре обменялись телефонами, а в понедельник просит дать в долг денег. Так... Интересно...
- Говорит, что в пятницу отдаст. Ну ты, понятное дело, даешь.
- Понятное дело – пока всё логично.
- Он отдаёт тебе в четверг. Неожиданно и приятно. Через неделю просит одолжить 3000 рублей. Также отдаёт на день раньше. Ещё через неделю просит сто тысяч рублей на беговую дорожку.
- Именно для бега, всё логичнее и логичнее.
- Ну у него уже хорошая кредитная история. Тем более, человек о здоровье беспокоится – значит, помрет не скоро, успеет деньги вернуть. Конечно же, одалживаешь.
- Как по-другому-то.
- Он отдаёт на день раньше. Потом он просит полтора ляма на кроличью ферму. И теща квартиру продала. Возможность помочь есть. Ну, одалживаешь – и всё. Знакомый пропадает. Телефон отключён. Тёща не разговаривает. Жена подала на развод.

– Неужели тебя так искусно кинули?

– Нет, конечно. Знакомого одного. Ты его не знаешь. – Валера задумчиво посмотрел в потолок. На безымянном пальце правой руки незагорелая полоска кожи. – Не будем о грустном. Пошли кофе пить. Я кошелек забыл в машине. Одолжи сто рублей. В пятницу отдам.

– Иди ты в жопу, Валера!

Вечер

Одной семейной паре дети на серебряную свадьбу подарили поездку в Тайланд. Маршрут такой: поездом до города с аэропортом (а в их посёлке городского типа была только военная часть и зона, ну какой аэропорт?!), далее – самолетом в Паттайю. Поезд прибыл на перрон около десяти вечера. Самолёт – на следующий день в обед. Супруги решили переночевать в гостинице рядом с ж.-д. вокзалом. Пока зарегистрировались, пока заселились, пока кинули чемоданы – уже час ночи на дворе.

Артём Анатольевич, глава семьи, ужасно проголодался и на ресепшен уточнил, где можно быстро перекусить отважным путешественникам. Им ответили, что, к сожалению, уже нигде. Поздно, и повара всех близлежащих заведений отправились домой видеть десятые сны. Нине Степановне, благонадёжной, проверенной временем и житейскими бурями супруге, не понравился тон девушки с ресепшен. Она тут же озвучила свои впечатления по поводу общего состояния номера и гостиницы, города, да и, собственно, девушки с ресепшен. Пара метких предложений достигла цели: девушка явно смутилась, покраснела и пискнула, что внизу работает небольшое оригинальное кафе в подвале их гостиницы.

– Ну вот почему нельзя сразу по-человечески, как принято среди порядочных людей, всё с каким-то подвывертом, – с победным видом резюмировала Нина Степановна. И они, наслаждаясь произведенным эффектом, двинулись в кафе.

Кафе называлось «Стриптиз-клуб „Томный вечер“». Оно действительно работало круглосуточно. Когда к Артёму Анатольевичу подошла администратор в чёрном кружевном белье и с розовыми кроличьими ушками на голове, он закашлялся, ему определённо нравилось кафе. Особенно атмосфера. Нине Степановне он сказал, что хороший интерьер. Нина Степановна работу дизайнера-концептуалиста не оценила и прямо с порога предложила вернуться в номер и насладиться покоем перед дальним перелётом. Артём Анатольевич возмутился, что у него уже желудок сводит и срочно нужно откусать, а не то подобные ночные бдения чреваты голодным обмороком.

Нашу пару посадили совсем близко от сцены с шестом. На сцене танцевали девушки. Глянув в меню зорким натренированным взглядом главбуха со стажем, Нина Степановна заказала только чайник чёрного чая и два сочня с творогом. Каким образом в этом узилище Терпсихоры оказались сочни с творогом, было большой загадкой. Артём Анатольевич признался, что обожает чёрный чай ещё с детства и что сочни – вершина кулинарного искусства. И вообще ему здесь очень комфортно. Он не отводил глаз от сцены. Новые формы интерьера, конечно же, впечатлили его.

– Ниночка, как в театр сходили. И поужинаем и небольшие пьесы посмотрим. Глянь, как она страдает. Наверное, казака её в армию забрали.

– А чо ж она грудями трясёт перед всеми, пока парня ждёт?

– Жарко, наверное. Вот девчата и раздеваются.

– Слушай, допивай свой чай – и в номер, – по привычке командовала Нина Степановна.

– Ты иди, а я чуть позже, – сказал осмелевший от открывающихся перспектив Артём Анатольевич. Он чувствовал в себе большой потенциал.

– Ага, прям понеслась вприпрыжку.

– Официант, ещё кипятка подлейте в чайник, – боролся за ускользающее счастье наш герой.

– Не позорься, это уже шестая заварка! Ты уже горячую водичку пьёшь, – сетовала Нина Степановна.

– Может, стейк закажем? Смотри, время приготовления всего пятьдесят минут!

– Пошли в номер, любитель изысков! У меня ощущение, что я в женской бане...

– У меня тоже... Эх, Нинок, я вот смотрю на них, нас в молодости вспоминаю. Помнишь, на речке...

– Дурак старый. Помню. Пошли в номер. – Она взяла Артема Анатольевича за руку.

– Конечно, пошли. – Он прощальным взглядом окинул сцену и пробормотал себе под нос: – Эх, такого в этом сером Тае, конечно, не увидишь...

И вечер действительно был томным и нежным.

Модель

Великие изобретения человечества – это порох, колесо и Microsoft Excel. Васильев закончил мехмат. Главному навыку, которому там его научили, – сравнивать числа. В любой сложной жизненной ситуации Васильев строил модель в Экселе, и ответ был очевиден.

Например, ситуация с деньгами. Иногда у него возникало такое чувство, что их постоянно не хватает, что он всю жизнь должен. Это чувство его поработало. Он тут же ввёл данные в Эксель, кому и сколько он должен, построил модель возврата и тут же порадовался. Вместо ощущения всю жизнь кому-то должен, получилось всего 35 лет. Ну вот другое дело.

Одним из решений сократить срок гашения своих долгов – это деление их на два. Продолжая улучшать свою модель, Васильев решил найти жену. Мехмат всё-таки. Он принялся изучать этот вопрос и посмотрел на ютубе много роликов по данной тематике. Его восхитил ролик в TEDex, как одна женщина сделала

модель своей анкеты на сайте знакомств и нашла идеального мужчину. Васильев загорелся. Плюс к этому он получил очередное письмо от судебных приставов с предложением оплатить долг по квартплате. Приставы считали, что два года не платить за квартиру не совсем правильно. Слабаки, подумал Васильев, срочно нужна жена, а лучше две, добавил его аналитический мозг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/bessonov_aleksandr/dobree

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)